

Элементы антикультуры и их распространение в
современном русском языке
(на материале электронных СМИ)
الظواهر اللغوية المضادة للثقافة وانتشارها في اللغة الروسية المعاصرة
(وسائل الإعلام الإلكترونية نموذجاً)

д-р Ахмед Атийях Элатик
Преподаватель кафедры славянских языков
факультета “Аль-Альсун” - Университета Айн-Шамс

د. أحمد عطية العتيق
مدرس بقسم اللغات السلافية - شعبة اللغة الروسية
كلية الألسن - جامعة عين شمس

**ELEMENTS OF ANTI-CULTURE AND ITS DISSEMINATION IN
THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF THE ELECTRONIC MEDIA)**

Annotation:

The article describes the lexical elements, which can be considered as elements of the anti-culture in the modern Russian language: vulgarisms, obscene lexicon, euphemisms of obscenities. The varieties of vulgarisms used in electronic media are analyzed: words with the semantics of mental retardation; lexemes, indicating the immoral behavior of women; words used to insult on the basis of nationality, etc. These phenomena are widely represented in the spoken language of the modern person and is actively used in the language of the media, including electronic media. Their use is associated with speech aggression, which spread in modern society. The anti-culture in a public speech practice hardly amenable to correction. It is necessary to the formation of the journalist language liability.

Key words and phrases: modern Russian language; anticulture; vulgarism; euphemism; obscene vocabulary; verbal aggression.

Элементы антикультуры и их распространение в современном русском языке (на материале электронных СМИ)

Падение уровня культуры в современном обществе не представляет сомнения для всех современных исследователей – философов, культурологов, психологов, социологов, филологов и др. Так, З. Н. Орлова в своей кандидатской диссертации отмечает: «Современная техногенная цивилизация значительно усилила кризисные явления в области культуры, обострила историческое противостояние и противоборство в этой сфере» [21, с. 3]. В этой связи на первый план выдвигается понятие антикультуры. Т. В. Пантелеевой антикультура определяется как «продукт кризиса, как негативная альтернатива, как агрессивный антипод культуре: совокупность негативных, отрицательных образований, антиценностей» [22, с. 18]. Явления антикультуры отмечают исследователями в разных сферах. Так, А. С. Бондарев пишет о правовой антикультуре, отмечая в качестве причин её возникновения «неразвитость субъектов права, наличие серьезных дефектов в их правовых знаниях, убеждениях и в итоге в их правовом поведении» [4, с. 22]. Е. М. Фрадлина рассматривает как антикультуру терроризм, ставший знаковым явлением в современной общественной жизни [32].

Изменения в культурном состоянии социума не могло не отразиться на языке – индикаторе культуры, первом реагирующем на её трансформации. Речевые проявления антикультуры также начинают исследоваться современными учёными Т. Ю. Вавилина и др. определяют речевую антикультуру как «речевое общение (взаимодействие или одностороннее воздействие), мотивированное социальной или бытовой враждебностью» [7, с. 115]. Для антикультуры естественно характерными составляющими являются антиценности, а по отношению к языку – антинорма. В современных условиях активизировалось функционирование языковых элементов, которые всегда существовали в русском языке, но использовались

ограниченно, избирательно – в определённой ситуации, определённым кругом лиц. Обозначим данные явления как элементы антикультуры. Они трактуются как «слова, обороты, свободные выражения, смысл которых – пренебрежительно-уничижительное отношение к человеку, характеристика человека как низшего, недостойного уважения и внимания существа» [19, с. 157]. В круг рассматриваемых явлений мы относим вульгаризмы, обценную лексику и эвфемизмы нецензурных слов и выражений.

Цель статьи – рассмотреть элементы антикультуры в современном русском языке, их лексические проявления, особенности функционирования и попытаться определить причины их широкого распространения. Материалом для исследования стал язык электронных СМИ – газет «Комсомольская правда», «Известия», журнала «Cosmopolitan», новостных агентств «Ридус», «Lenta.Ru», «РИА Новости» и др. Электронные СМИ сегодня почти полностью вытеснили традиционные печатные издания, именно там читатели ежедневно ищут самую свежую, самую актуальную информацию, именно в них отражаются все новейшие тенденции развития языка и общества, и именно они являются одним из факторов, формирующих на данном этапе развития общества речевую культуру современной языковой личности.

В словаре лингвистических терминов вульгаризм определяется как «грубое слово или выражение, находящееся за пределами литературной лексики» [23, с. 49]. М. Н. Крылова отмечает, что среди вульгаризмов выделяются слова, находящиеся на грани литературного употребления, то есть менее грубые (*осёл, дура* и под.), и слова, находящиеся за пределами литературной нормы, обладающие повышенной экспрессией грубости [13, с. 118]. В русском языке всегда существовали вульгаризмы, однако их использование было строго ограничено пределами устной разговорной речи и ситуацией словесной перепалки. Сегодня данное положение изменилось. Вульгаризмы вошли в русское языковое пространство как его полноправные члены, в результате чего даже утратили часть своей экспрессии и стали восприниматься не только людьми, которые их употребляют, но и адресатами текста, а иногда

и адресатами оскорбления, не так эмоционально. Рассмотрим использование некоторых из них в языке электронных СМИ.

Первая группа вульгаризмов – слова, являющиеся наименованиями различных видов умственной отсталости, интеллектуальных и генетических дефектов: *дебил, кретин, имбецил, даун, умственно отсталый, умственно неполноценный, олигофрен* и т. п. Слово *больной*, которое имеет в языке семантику, относящуюся к любой болезни, в качестве вульгаризма обозначает именно больного умственно. Например: «*Ну, кто, скажите, занимается сексом с печалью, слезами, истерикой и скорбью? Только дебил*» (газета «Комсомольская правда») [18]; «*“Обиженный кретин”*: западные Сети о последнем шаге Обамы» (Новости «Ридус») [27].

Вульгаризмы такого типа могут использоваться как объекты сравнительных конструкций, что немного смягчает их смысл: «*Похоже, что мы подошли к такому моменту в жизни российского общества, когда, что бы ты ни говорил, ты выглядишь либо как дебил, либо как идиот*» (газета «Известия») [17]. Сравнение ослабляет категоричность высказывания, допускает вариативность понимания, ведь объект характеризуется не напрямую, а посредством сопоставления, однако слово всё равно сохраняет свою грубость и резко отрицательную оценку.

Употребляя данные слова, говорящий не просто высказывает сомнение в умственной полноценности объекта оскорбления, он констатирует эту отсталость как факт. Происходит унижение человека с точки зрения его интеллектуальной состоятельности, талантливости. Несомненно, основной причиной желания говорящего так унижить собеседника является стремление возвысить себя за счёт принижения другого.

Применение вульгаризмов с семантикой умственной отсталости может быть средством иронии, подшучивания над героем очерка, персонажем рассказываемой журналистом истории, например, при пересказе сюжета кинокартины: «*Герой картины, сельскохозяйственный работник-имбецил, бросает работу в деревне и отправляется воевать в неназванную мусульманскую*

страну, где насилует арабских женщин и убивает детей» (газета «Комсомольская правда») [29]. Однако это не убавляет экспрессии грубости, характерной для данных лексических элементов, и не делает их использование на страницах электронных СМИ более обоснованным.

Из всех вульгарных слов и сочетаний данной группы наименее востребована лексема *даун*. В языке СМИ слово используется почти исключительно в прямом смысле, а не с семантикой вульгаризма, то есть не с целью оскорбления. Таким образом, проявляется толерантное отношение, внедряемое СМИ в сознание обывателя в последние годы по отношению к данному генетическому нарушению (разъяснение генетической сути явления, указание его независимости от поведения родителей, рассказы о детях «звёзд», больных синдромом Дауна, и т. п.). Отметим, что в устной речи, по нашим наблюдениям, использовать слово *даун* в качестве вульгаризма вряд ли стали меньше, такая тенденция отмечается исключительно в СМИ.

Оперирование носителями русского языка лексемами с семантикой умственной отсталости, интеллектуальных нарушений личности, отражённое в языке СМИ, – одно из ярчайших проявлений антикультуры в современном русском языке и современном обществе. Действительно, эти ставшие уже привычными слова (*идиот, имбецил, кретин, олигофрен* и др.) являются медицинскими наименованиями, обозначающими реально существующие у многих граждан России нарушения. Каким горем для семьи становится выявление у ребёнка какого-то из названных заболеваний или отставаний в развитии! Употребление их в речи в качестве вульгаризмов свидетельствует как о том, что для современного россиянина оскорбление инвалида – обычное дело, так и о том, что у языковой личности есть стремление унижить собеседника, указав на его недостаточную умственную полноценность и тем самым возвысив себя. Как нам кажется, ужасающая статистика, по которой родители оставляют в детских домах до 90 % детей с выявленными нарушениями развития, и активное использование в речи и в языке СМИ анализируемой лексики – звенья одной цепи. Они

свидетельствуют о неприятии личностью людей, чем-либо отличающихся, выделяющихся, о недостаточно толерантном отношении к инвалидам в обществе.

Оскорбления по признаку низкого интеллекта очень широко распространены и в языке СМИ. Для их осуществления могут использоваться не только названные выше лексемы с семантикой заболеваний, но другие вульгаризмы, оценивающие собеседника как неумного человека: *болван, дурак, полудурок, олух, тупица, дубина, тормоз* и т. п. Они менее антисоциальны, но также находятся на грани или за гранью литературного употребления. В их использовании языковой личностью многое зависит от смыслового, стилистического и эмоционального контекста. Так, очень часто встречается на страницах электронных СМИ слово *болван*, обладающее отрицательной коннотацией, не несёт при этом резко оскорбительного значения. Его употребление выглядит как констатация факта, известного всем: *«Многие считали его посредственностью, болваном. Но Сталин был уверен в его беззаветной преданности»* (Lenta.Ru) [6].

Связаны с вульгаризмами рассмотренной группы лексемы, указывающие, напротив, на высокий интеллект характеризуемого лица, но являющиеся, тем не менее, оскорбительными наименованиями. Наиболее распространённое из них – слово *ботаник*, возникшее как невинная школьная «дразнилка» отличника-зубрилки. Сегодня его семантика изменилась, а коннотация стала более отрицательной: так называют любого молодого человека (реже девушку), который уделяет внимание учёбе, серьёзным занятиям, чтению и по этой причине выделяется на фоне своих сверстников, интересующихся парками, ресторанами, алкоголем и под. Это слово используется не только в устной речи, но и в электронных СМИ: *«Дело в том, что юмор в проекте строится на тщедушности сына: он абсолютный ботаник и додик при крутом отце»* (газета «Комсомольская правда») [36]. Порицается с помощью данного вульгаризма, сленгизма по происхождению, серьёзное отношение к жизни, стремление получить хорошее образование, а главное – интеллект, ум человека. Естественно, что в негативизации

говорящими указанных свойств личности проявляется скрываемое, возможно, даже от самих себя чувство зависти к «ботаникам». Интересна особая оценка, которая даётся «ботаникам» в журнале «Cosmopolitan». Здесь это слово является скорее не вульгаризмом, а престижным наименованием завидного жениха, которого непросто будет заполучить в мужья, так как он немного странный, но который станет прекрасным спутником жизни. В журнале постоянно можно встретить это слово, употреблённое даже в заголовках: «8 причин влюбиться в “ботаника”» [1]. Дело в ориентации журнала на юных женщин, стремящихся успешно выйти замуж, почему умные молодые люди и оцениваются в издании адекватно.

Вторая группа вульгаризмов по значению – лексемы, указывающие на безнравственное поведение женщины: *иллюха, проститутка, гулящая, девка, стерва, подстилка, шалава, потаскуха, лахудра, шалашовка* и др. Их использование наблюдается чаще всего по отношению к женщинам, но не исключает и оскорбления мужчин. Доминантным семантическим признаком в данной группе вульгаризмов выступает признак продажности, поэтому они могут использоваться по отношению к представителям какой-либо политической партии, например, к представителю оппозиции: «Эта *иллюха* просто “пиарится”, причем так же, как привыкла работать – через постель, что доказывает, – на большее подобные девицы не способны и поправный талант тут не при чем» (газета «Комсомольская правда») [26].

Вульгаризм вовлекается в эмоциональный контекст, что делает его использование вроде бы обоснованным и ожидаемым: «В том, что заводы стоят, зарплаты не платят, улицы завалены мусором, а дома жена *стерва* – убил бы» (РИА Новости) [11], но эта обоснованность только видимая, на самом деле, как это должно быть по требованиям и правилам культуры, вульгаризм на страницах СМИ не может быть уместен. Для антикультуры он – естественный элемент, и, скорее всего, большинство читателей, погружённых во вполне сложившуюся в обществе атмосферу антикультуры, не будут удивлены его появлением на страницах СМИ. Напротив, читатель почувствует журналиста «своим» парнем, не отгораживающимся от

жизни забором из незнакомых слов, и лучше воспримет публикацию. Таким образом, вульгаризмы в СМИ – ещё и средство популизма, способ привлечь внимание потенциального читателя к тексту.

Здесь тоже наблюдается введение вульгаризмов в образную сферу сравнения, что позволяет, к примеру, применить их по отношению к мужчине: «*Халиф затравленно мечется по гарему, как последняя вокзальная илюха*» (газета «Известия») [34], да и вообще потенциально использовать для характеристики любого объекта.

Третья группа вульгарной лексики – слова, используемые для оскорбления по признаку национальной принадлежности: *чурка, узбек, ара, армяшка, нерусь* и др. Чаще всего используется слово *чурка*, причём не только по отношению к людям, отличающимся от русских более тёмным оттенком кожи, чёрными волосами и кавказским акцентом: «*Из-за того, что у старшего сына британское имя, я слышу множество оскорблений в его адрес – некоторые его **чуркой** обзывают (при том что у него обычная европейская внешность)*» (Lenta.Ru) [8].

Неумение признавать равными себе представителей других наций русскими не осознаётся сегодня как опасное качество личности. А ведь для народа, победившего в Великой Отечественной войне, прошедшего через ужасы фашистской оккупации, характеристика «фашист» или «нацист» должна была на все времена стать недопустимой, неприемлемой, а поступки в духе этой характеристики – невозможными.

Здесь мы видим нарушение такого важного в настоящее время аспекта культуры, как поликультурность – способность к межкультурному взаимодействию и адекватному восприятию представителей иной культуры, нации, этноса. Современный культурный человек должен уметь преодолеть стереотипы восприятия представителей других национальностей и их культуры, для культурного человека интернационализм должен быть неотъемлемой составляющей личности. Ю. А. Карягина характеризует агрессивность по отношению к другой культуре как признак антикультуры и в качестве первого шага по формированию

поликультурности называет необходимость для личности «не проявлять агрессивности, сдерживать негативные мысли, раздражительность по отношению к иному, новому, чтобы не впасть в антикультурную позицию» [10, с. 164].

Четвертую группу вульгаризмов составляют слова, являющиеся по происхождению арготизмами, то есть перешедшие в язык из жаргона воров и бандитов, асоциальных элементов, представителей замкнутых групп, которые противопоставляют себя обществу. Как например: *лох*, *козёл*, *чмо*, *чмошник*, *падло* и др. Их использование в речи было связано первоначально именно с теми слоями общества, нужды которых они обслуживали. Теперь же оскорбления с такими лексическими элементами позволяют себе не только воры, бандиты, и другие антисоциальные личности. Используя арготизмы, говорящие, не имеющие отношения к миру криминала, чаще всего даже не знают их первичного значения: *лох* – «1) потерпевший, 2) жертва шулеров, 3) разиня, 4) бестолочь», *козёл* – «пассивный гомосексуалист», *чмо* – «опустившийся человек», *падло* – «1) падаль, 2) ненадежный, негодный человек» [25]. Лексику данного рода можно услышать даже с телеэкрана, к примеру, А. О. Корачкова, проанализировав использование арготизмов в речи героев российских телесериалов, утверждает, что «одним из основных источников распространения арготизмов в молодежной среде являются российские телесериалы» [12, с. 17], то есть молодёжь принимает жаргонизмы из речи героев тех фильмов, которые смотрит, чтобы нести эти элементы антикультуры дальше. Вывод, который делает А. О. Корачкова, является, по нашему мнению, неожиданным и спорным: «Использование арготизмов в речи уже не является показателем принадлежности к преступному миру. Они стали неотъемлемой частью разговорной речи и употребляются как старшим, так и младшим поколениями» [Там же, с. 20-21]. С одной стороны, всё, заявленное учёным, правильно, с другой – недопустим нейтральный тон, которым констатируется данный факт. Следует хотя бы отметить, что использование арготизмов в повседневной речи обычных людей считается антикультурной.

Употребляют арготизмы и журналисты, в том числе в языке электронных СМИ: *«Как парень из сибирского Березова мог в таком контексте победить самовлюбленное чмо в КАЛИФОРНИИ?!»* (газета «Комсомольская правда» [16]. С их помощью журналисты стремятся сформулировать своё отношение к какому-либо персонажу (или передать отношение к нему своего героя). Происходит перенос стихии устной речи (где подобные элементы хотя и неприятны, но коммуникативно оправданы) на страницы газеты. Происходит смешение стилей (обиходно-бытового и газетно-публицистического) и даже стилистическая подмена. Как правило, использование элементов других функциональных стилей и даже внелитературных элементов вполне допустимо на страницах художественного произведения, где автор стремится дать речевую характеристику персонажа, создать особый колорит, одним словом – достичь своих художественных целей. Проникновение антикультурных элементов в язык электронных СМИ также иногда свидетельствует о преобразении журналистом публицистического текста в художественный, например, при создании коллективного портрета страдающих в браке женщин: *«Женщине больно признать, что муж козёл, и она пытается его уменьшить до “козленка” <...> Он козёл не в том, что он не занимается ребёнком, а в том, что просто семья ему малоинтересна»* (газета «Комсомольская правда» [9].

Кроме того, нельзя не назвать среди вульгаризмов, активно используемых современными говорящими на русском языке, в том числе в СМИ, слова, обозначающие животных. Одно из них (*козёл*) уже упомянуто нами в контексте воровского жаргона. Помимо него, используются в качестве оскорбительных слова *овца, баран, лошадь, корова, обезьяна, змея, собака, хорёк, свинья, скотина* и даже родовое наименование *животное*, хотя по сути оно не может быть оскорблением, так как человек в биологическом смысле тоже является животным. Основанием для оскорбления в данном случае выступают какие-то качества данных животных, воспринимаемые в русской лингвокультуре как негативные: *овца и баран – глупые, лошадь – большая, обезьяна – кривляка* и т. п. Некоторые из данных

вульгаризмов интересны своей историей. К примеру, собака для русских людей – друг человека, верное и преданное животное, а оскорбление словом *собака* пришло в русский язык во времена монголо-татарского ига, так как для культуры таких народов было характерно восприятие этого животного как «нечистого» и враждебное отношение к собакам.

Журналисты электронных СМИ чаще всего вводят в текст вульгаризмы данного типа со ссылкой на источник и, соответственно, в кавычках: «По её мнению, это доказывает всем людям, что депутаты **“бараны”**» (РИА Новости) [3]. Они, действительно, настолько антикультурны, что представлены в рассматриваемых нами источниках в меньшей степени, чем вульгаризмы рассмотренных выше групп.

Среди вульгаризмов есть ряд лексем, которые выступают как очень «мягкие» ругательства. К таким, например, относятся характеристики по признаку неприятной внешности: *урод*, *мымра* и др. Слово *мымра* вообще стало чуть ли не ласкательным после популяризации его в известном любимом всеми кинофильме «Служебный роман». Этот факт доказывает относительность любого оскорбления и наглядно иллюстрирует механизм изменения коннотации и степени оценочности слова. У лексемы *урод* в последнее время, в результате переноса лексического значения, появился вариант *моральный урод*, обозначающий уже иное понятие, относящееся не к внешности, а к характеристике нравственной составляющей личности. В таком виде сочетание нередко используется в языке электронных СМИ. Например, в статье А. Шуваловой «Лики нашего общества: моральный урод – кто он?» (FB.ru) [35] подробно разъясняются категории уродства (внешнего и внутреннего) и даётся определение: «...Словосочетание **“моральный урод”** означает высшую степень безнравственности, духовное убожество, моральное падение» [35], иллюстрируемое примерами, то есть описаниями ситуаций, в которых человека уместно назвать моральным уродом: «Аморально обидеть беззащитного, унижить слабого: пнуть котёнка, бросить на произвол судьбы собаку, отказаться от ребёнка или престарелых родителей. Сказать

гадость за спиной товарища, “подсидеть” сослуживца, обмануть того, кто доверился...» [Там же]. Перед нами предстаёт предельно подробная характеристика явления, адресованная заинтересованным в получении подобной информации читателям.

Есть разновидность вульгаризмов, которая представляет единицы, относительно новые в данном сегменте словарного фонда: *маньяк, мутант* и др. Если система оскорблений на основе наименований животных складывалась столетиями, а система оскорблений на основе наименований умственных заболеваний – десятилетиями, то в данном случае речь идёт о годах. Явления, вошедшие в нашу жизнь в последние два-три десятилетия, стали основаниями для образования новых вульгаризмов: *«Медведев сейчас подселектированный, назначенный начинающий президент. Считаю, что он всё же станет настоящим президентом, а не частью двуглавого мутанта. Этот мутант должен прекратить своё существование», – надеется Борис Немцов»* (РИА Новый регион) [5]. Формирование в системе вульгаризмов современного русского языка новых единиц свидетельствует о том, что это живой, динамично развивающийся лексический класс. Оценивая оскорбительный потенциал наименования негативного явления, говорящий свободно переводит лексему в разряд вульгаризмов, потенциально применимых для оскорбления, учитывающего какой-то признак объекта. В случае со словом *мутант* это признак появления несвойственных ранее организму, чуждых ему свойств, в случае с лексемой *маньяк* – это одержимость манией, причём для семантики вульгаризма близкой оказалась характеристика именно сексуального маньяка. Здесь, как, собственно, и в примерах, приведенных выше, наблюдается метафоризация – появление у слова переносного значения на основе сходства по какому-либо признаку, причём выбирается наиболее сильный и значимый признак. Примеры слов *мутант* и *маньяк* доказывают, что язык живо реагирует на нужды языковой личности, в данном случае – на её потребность в использовании новых, свежих ругательств наряду с теми, которые уже закрепились в языке и входят в его стабильный лексический фонд. В свете сказанного, можно ожидать появления в

языке всё новых и новых ругательств как отклика на потребность носителей языка.

Вопрос о происхождении вульгаризмов очень интересен, неразрывно связан с историей русского языка и мог бы стать темой отдельного исследования. Приведём несколько интересных примеров. Слово *ублюдок* изначально не было ругательством, а использовалось для наименования потомка животных, относящихся к разным видам, обычно не скрещиваемым, – волка и собаки, лошади и осла. Потом слово расширило своё значение и стало применяться для названия незаконнорожденных детей, например, детей дворян, прижитых ими с прислугой. И лишь затем произошла метафоризация, и слово стало использоваться для оскорбления. Примерное такое же происхождение имеет слово *выродок*. Лексема *подонок* обозначала сначала "осадок на дне посуды" (префиксально-суффиксальное образование от слова *дно*) и употреблялась только во множественном числе – *подонки*, и лишь затем стала ругательством с семантикой нахождения кого-либо на дне общества и приобрела единственное число. Эти и многие другие примеры иллюстрируют творческий характер русского языка вообще и метафоризацию как основной способ образования вульгаризмов, в частности.

Кроме того, важно рассматривать и сопровождать иллюстрациями ещё много семантических разновидностей вульгаризмов, например, указывающих на физиологию человека, оправления организма, так называемый «низ» («*Когда раскрываются души, позитивные мальчики и девочки с кошечками в телефонах извергают дерьмо, и только дерьмо*» (газета «Комсомольская правда») [2]), но мы закончим на этом наш обзор, обещающий в противном случае стать необъятным, сделав несколько замечаний.

Во-первых, большая частотность в использовании вульгаризмов современным носителем русского языка связан с общей тенденцией к огрублению речи, речевой агрессии, наблюдаемой нами в данный момент развития русского языка. Сегодня это лишь грубые и оскорбительные слова. Если раньше, в

конце 90-х годов, с началом в России эпохи свободы слова, «включение в речь бранной лексики различных степеней запретности – от вульгаризмов до нецензурной лексики» могло трактоваться как одно из проявлений «карнавализации» – языковой игры, состоящей в смешении стилей и языковых ролей [14, с. 28], то сегодня «карнавализация», этот отклик интеллигенции на завершившуюся в 90-х годах прошлого века эпоху запретов, ушла в прошлое. Теперь заполнившие речь россиянина вульгаризмы, в первую очередь ругательства, свидетельствуют только о небрежении основными коммуникативными, этическими и литературными нормами. Во-вторых, вульгаризация русского языкового пространства связана с явлением, которое мы рассмотрим далее, – прогрессом в использовании современным россиянином обценной (нецензурной) лексики. Многие говорящие в состоянии осознать, что обценное слово недопустимо в определённых коммуникативных ситуациях и реализуют свою речевую агрессию с помощью вульгаризмов, являющихся в данном случае менее экспрессивными заменителями нецензурных ругательств.

Ситуацию с обценной лексикой можно назвать в современном русском языке интересной и сложной. Нецензурная лексика настолько широко распространилась в устной речи, что перестаёт выполнять свою основную роль – служить для выражения сильных чувств. По мнению О. Б. Сиротининой, «в 90-е годы мат полностью вышел на свободу, и все попытки снова загнать его в “бутылку” пока не удаются. Да, в СМИ его уже заменяют точками и пипиканьем, но со сцены и в кино он ещё возможен, даже в истинно художественной литературе» [24, с. 296]. Большинство лингвистов, подобно О. Б. Сиротининой, высказывают опасения по поводу употребления нецензурной лексики широкими слоями населения России, которое, по общепринятому выражению, матом не ругается, а на нём разговаривает. Но есть и оригинальные выступления о том, что русский мат надо спасать, так как, став частью общеупотребительной лексики, он утратил свою экспрессивность, и теперь интеллигентному человеку недостаёт слов, чтобы выразить свои сильные чувства. Журналист Н. Троицкий приводит по этому

поводу яркие слова журналиста и поэта Яна Шенкмана: «Мат жалко. Когда он на каждом шагу, в этом нет никакого смысла. Это очень сильное экспрессивное средство. Когда нет табу, нет и никакого удовольствия нарушать их» [28].

Открыто использовать обценную лексику в СМИ сегодня не только антикультурно, но и запрещено законом. С юридической точки зрения, закон 101-ФЗ от 05 мая 2014 [30], внесший ряд изменений в закон 53-ФЗ о государственном языке Российской Федерации [31], вступил в действие 1 июля 2014 года, через девять лет после вступления в действие 53-ФЗ. Первым законом был введён запрет на использование ненормативной лексики в СМИ, рекламе, судопроизводстве и других областях общественной и государственной деятельности. Во втором законе появилось уточнение, по которому слова, намекающие на обценную лексику, указывающие на неё, также приравниваются к нецензурным выражениям. Таким образом, запрет на использование обценной лексики в общественном употреблении, в первую очередь, в СМИ и рекламе сегодня законодательно закреплён. В соответствии с законом наложены на нарушителей солидные штрафы (по закону это суммы для граждан – от 2 до 3 тысяч рублей, для должностных лиц – от 5 до 20 тысяч рублей, для организаций – от 20 до 200 тысяч рублей).

Однако обеспечить сегодня полноценную работу этого закона государство и правоохранительные органы не могут, и нецензурную лексику мы (и наши малолетние дети) слышим на улицах, в общественном транспорте, в сети интернет. Однако можно порадоваться тому, что на страницах электронных СМИ, начиная с 2014 года, обценной лексики практически редко встречается. Зато она прочно заменилась эвфемизмами, которые мы и рассмотрим далее.

Эвфемизмы (от греческого ‘хорошо говорю’) – смягчающие выражения. Они заменяют в речи вполне литературные, но не совсем приличные в обществе слова: *сочинять* (лгать), *в костюме Адама* (обнажённый), *комбинация из трёх пальцев* (фига), *пятая точка*

(ягодицы), *домик неизвестного архитектора* (туалет). Цель таких эвфемизмов этикетная – не быть грубым, невоспитанным, некультурным. Иногда эвфемизмы восходят к древнейшим верованиям и суевериям. Предки русского народа считали, что человека окружают злые духи, поэтому избегали выражения *беременная женщина*, чтобы духи не навредили будущей маме и ребёнку. Вместо данного словосочетания и сейчас используются эвфемизмы: *женщина в положении, в интересном положении, будущая мама, ждущая ребёнка*. Однако сегодня эвфемизмы включают ещё одну группу слов. М. Н. Крылова отмечает: «Среди эвфемизмов выделяются слова, которые заменяют в речи нецензурную лексику. Они употребляются, как правило, в функции междометий или вводных слов, в последнем случае являясь словами-паразитами» [13, с. 119]. Эвфемизмы данного типа существуют в языке долгое время, но в последнее время их употребление особенно активизировалось. Как пишет М. Н. Крылова, «узнать обценные по происхождению слова-паразиты очень легко: они имеют начало (первую букву, или комплекс букв), реже конец (последнюю часть слова) или грамматическое строение, отсылающие к соответствующему обценному слову, например, *блин, ё-моё, ёшкин кот, пипец, на фиг* и под.» [Там же]. В некоторой степени такие эвфемизмы выполняют этикетную функцию, так как они всё же заменяют в речи гораздо более грубые слова, чем они сами: «Происхождение их можно объяснить следующим образом: говорящий уже совсем было собрался нецензурно выругаться, даже произнёс первые звуки ругательства, но вспомнил, что по какой-либо причине нельзя, и решил закончить начатое слово как-нибудь по-другому» [Там же]. С одной стороны, мы имеем дело со смягчением, которое и должно быть целью этикетного эвфемизма, но с другой – получается совсем иной результат. Слово продолжает оставаться грубым, антикультурным, а речь говорящего – агрессивной. Главное – всем присутствующим при данном высказывании, как правило, известно, какое именно слово или выражение заменено эвфемизмом, то есть коммуникативный эффект замены нивелируется.

Интересно, что даже один из самых авторитетных исследователей современного русского языка Л. П. Крысин, классифицируя эвфемизмы в своей работе «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)», не называет эвфемизмов, заменяющих обценную лексику, среди других обозначенных им групп. Л. П. Крысиным выделяются эвфемизмы, связанные с разного рода дискриминацией (расовой, половой, религиозной и др.); эвфемизмы, обозначающие явления, страшные для человека (смерть, смертельные болезни и др.); эвфемизмы, указывающие на внешний вид и возраст человека (рост, вес и др.), и другие группы слов [15, с. 384-408]. Возможно, классификация Л. П. Крысина касается лишь тех эвфемизмов, которые выполняют изначальные функции данной группы слов – делают речь более культурной, предупреждают возможные проблемы в общении. В таком случае слова, заменяющие обценную лексику и схожие с ними рядом звуков (букв), действительно, оказываются вне классификации и выступают как особые явления языка, близкие скорее к собственно обценной лексике, а не к эвфемизмам.

По нашим наблюдениям, наиболее распространёнными в современном русском языке являются эвфемизмы с корнем *-фиг-*, отсылающим к известному нецензурному понятию: *на фиг, офигеть, ни фи́га* и др. Хотя употребление данных слов, связь которых с нецензурной лексикой выявит любая лингвистическая экспертиза, сегодня может быть чревато штрафом, они по-прежнему продолжают активно использоваться в языке СМИ. Журналисты предпочитают вводить их в текст, в репликах каких-либо героев своих репортажей: как известных личностей, так и простых комментаторов описываемых событий. Особенно часто встречаются эвфемизмы с корнем *-фиг-* в женском журнале «Cosmopolitan», ориентированном на молодёжь и речь улицы: «*Супер! – Ленка была в восторге. – Офигенно! Офигенное платье! А цена – просто офигеть! Просто супер!*», «*...Ну ни фи́га ж себе. Ты теперь так много зарабатываешь?*» [33]. Здесь эвфемизмы нецензурных слов можно увидеть не только в цитируемой речи героев репортажей, но

и в речи журналиста, даже в подзаголовках: «*Офигенное платье*» [Там же].

Заметно, что в рассмотренных в статье примерах элементы антикультуры часто употреблены не в речи журналистов, а в процитированных ими высказываниях «простых» людей, граждан на улицах, а иногда и представителей власти. Как относиться к ним в этом случае? Считать ли их элементами антикультуры, проникшими в язык СМИ, или объяснять их использование журналистами просто как желание точно и в неизменном виде представить грубое высказывание другого человека? Как нам кажется, лексика, выражающая речевую агрессию, антикультурна по самой своей сути, независимо от той цели, которую вкладывает в её использование журналист. Анализируя недостаточную экологичность языка современных российских СМИ, О. Б. Сиротина подчёркивает «различие свободы мнения и свободы выражения, недопустимость снятия ограничений на употребление обценной, грубой и нелитературной лексики» [24, с. 293], и, как нам кажется, это касается любой коммуникативной ситуации.

В современном речевом поведении произошло немало перемен. Вместо общепринятой, традиционной ранее установки на взаимодействие, распространилась установка на воздействие: говорящий стремится в первую очередь достичь своей коммуникативной цели, воздействуя для этого на собеседника и забывая иногда о том, что общение – двусторонний, взаимно направленный процесс. Вместо установки на избежание конфликта, распространяется, в том числе в языке СМИ, установка на провоцирование конфликта, так как именно в конфликтной ситуации собеседник раскроется наиболее ярко, а это привлечёт внимание к публикации. В этом контексте элементы антикультуры – лишь одно из прогрессирующих изменений в языке современного россиянина.

Хочется особо остановиться на роли элементов антикультуры как средств вербальной агрессии. Речевая агрессия служит либо нанесению оскорбления адресату речи, унижению его достоинства, либо разрыву связей между людьми, социальных, духовных,

бытовых. Нивелируется основная цель общения – установление контакта, преодоление коммуникативных рисков. Для характеристик речевого поведения из всех значений слова *агрессивный*, которые мы находим в толковом словаре С. И. Ожегова, подходит значение «враждебный» [20, с. 18]. Показательно, что агрессия в поведении обычно толкуется как выражение сильных эмоций без серьёзных внешне выраженных причин. То есть чаще всего у свидетелей чьей-то агрессии создаётся впечатление, что она ничем не мотивирована. Естественно, это впечатление ошибочно, и у агрессии всегда есть серьёзные причины либо в психическом состоянии человека, её проявляющего, либо в предшествующих акту агрессии обстоятельствах, о которых не осведомлены окружающие. Такова, как нам кажется, природа и речевой (вербальной) агрессии, проявляемой посредством рассмотренных выше элементов антикультуры, – вульгаризмов, нецензурной лексики и её эвфемизмов. Не следует называть беспричинным активное использование широкими кругами населения России, в состав которых входят и журналисты электронных СМИ, элементов антикультуры. Стоит попытаться осмыслить причины этого явления, среди которых – и деструктивное состояние личности современного россиянина, и влияние внешних факторов, таких как падение культуры, нравов в обществе.

Рассмотренные нами лексические явления (вульгаризмы, обценная лексика и её эвфемизмы) с позиций антикультуры выступают как антиценности. То есть в современном обществе сформировался количественно значительный слой людей (назвать точные цифры достаточно сложно, но это большие числа), для которых элементы речевой агрессии в языке ценны, позитивно оцениваемы. Использование данных элементов в собственной речи осознаётся ими как повод для позитивной характеристики своего речевого поведения, использование таких слов окружающими – как повод положительно оценить собеседника, установить с ним дружественные отношения. Переход элементов, противостоящих культуре, в разряд ценностей закреплён в сознании многих говорящих, а значит, антикультура пришла к нам надолго.

Антикультура – явление, порождённое обществом, она не возникла сама по себе, не пришла неоткуда. В распространении элементов антикультуры в языке электронных СМИ есть определённая вина государства. Т. Ю. Вавилина пишет по этому поводу: «Грязное слово прежде, когда общество и власть считали необходимым защищать нравственное чувство читателя, не могло быть печатным» [7, с. 116]. Однако в целом, наблюдая элементы антикультуры в современном русском языке, мы пожинаем плоды происходящих с 90-х годов прошлого века снижения интереса к чтению, катастрофического уменьшения популярности не только хорошей, но вообще любой художественной литературы, популяризации западного образа жизни с его худшими сторонами – культом денег, психологией потребления; политики вседозволенности по отношению к языку. Язык лишь отражает то, что существует в обществе и что Н. Троицкий, к примеру, характеризует так: «Для того, что происходит с нашим младшим поколением, давно существует чёткое определение: это типичное, классическое падение нравов» [28]. Лингвисты сегодня могут лишь констатировать прогресс антикультуры и её большую популярность у носителей русского языка, чем популярность явлений, которым она противостоит, – явлений культуры. Чтобы что-то изменить, необходимы, во-первых, перестройка сознания, полная трансформация восприятия культуры и языка, а во-вторых, значительное время, даже при благоприятном стечении политических, социальных, культурных обстоятельств – не одно десятилетие. Вряд ли в осуществлении сложного процесса перехода от антикультуры к культуре способны существенно помочь запреты и наказания. Как отмечает М. Н. Крылова, «нам точно известно, что запретительные и карательные меры не дают положительных результатов, когда речь идёт о языке вообще и об отборе тех или иных языковых средств носителями языка в частности» [14, с. 31]. Прежде всего – необходимо изменение отношения журналистов к собственной речи, являющейся эталонной для большинства россиян, привыкших воспринимать язык СМИ как образец. Необходимо формирование у журналистов языковой ответственности как

готовности отвечать за свои речевые поступки и умения соотносить своё речевое поведение с требованиями русского языка и человеческой морали.

Итак, широкое распространение в современном русском языке элементов антикультуры, к которым мы относим вульгаризмы, обценную лексику и эвфемизмы нецензурных слов и выражений, указывает на понижение уровня культуры современного общества и на распространение, в противовес культуре, антикультуры. Надо отметить, что элементы антикультуры существовали в русском языке всегда, но они были принадлежностью «языка улицы», встречались в устной речи тех представителей общества, которые в силу возраста, рода деятельности или способов проведения досуга противопоставляли себя обществу. Для них антикультура становилась способом самовыражения, часто временным и прекращающимся с возрастом, со сменой рода занятий и другими изменениями, важными для личности. Сегодня элементы антикультуры проникли в язык средств массовой информации, в первую очередь в их электронных версиях. Это означает, что антикультура перестала быть свойством определённых социальных групп, как правило, маргинального толка, а стала качеством, присущим всему русскому народу и, соответственно, русскому языку.

Список литературы

1. **8 причин влюбиться в «ботаника»** // Cosmopolitan [Электронный ресурс]. URL: http://www.cosmo.ru/sex-love/he_and_you/8-prichin-vlyubitsya-v-botanika/ (дата обращения: 01.03.2017).
2. **Арсюхин Е.** Как капитализм делает из человека скотину // Комсомольская правда. 2014. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения: 01.03.2017).
3. **Блок Петра Порошенко предложил запретить участие Савченко в ряде заседаний** // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20161116/1481484631.html> (дата обращения: 28.02.2017).
4. **Бондарев А. С.** Правовая антикультура в правоприменении современной России // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 22-25.
5. **Булгарин С.** Борис Немцов приступил к формированию очередной коалиции российских «правых» // Новый регион 2. 2008. 23 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.is/Tc0Lj> (дата обращения: 02.03.2017).
6. **В конце останется только один** // Lenta.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/02/17/stalin/> (дата обращения: 02.03.2017).
7. **Вавилина Т. Ю., Мишланов В. А., Шиморек Я.** Речевая культура и антикультура в современной массовой коммуникации (на материале текстов русского, польского и немецкого сегментов интернета) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 112-124.
8. **Деньчикова Е.** «В Москве моего сына называют чуркой». История москвички, переехавшей в Абу-Даби // Lenta.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/12/26/abudhabi> (дата обращения: 28.02.2017).
9. **Завгородняя Д.** Мой муж – ребенок! // Комсомольская правда. 2013. 1 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения: 24.02.2017).
10. **Карягина Ю. А.** Агрессивность к другой культуре как антикультура // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. Т. 4. № 12-1. С. 164-166.
11. **Кононенко М.** Кризис веры, или Почему горел «Интер» // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/analytics/20160906/1476233277.html> (дата обращения: 28.02.2017).
12. **Корачкова А. О.** Арготизмы в речи героев российских телесериалов // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 35. С. 16-21.

13. **Крылова М. Н.** Особенности культурного менталитета современного студента (на основе анализа языка студента) // Актуальные направления воспитательной работы университета (опыт Донского ГАУ): монография; под. общ. ред. Е.С. Масловой. Персиановский: Донской гос. аграрный ун-т, 2016. С. 107-125.
14. **Крылова М. Н.** Процесс «карнавализации» русского языка и сравнительные конструкции // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 23. С. 28-32 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56386.htm> (дата обращения: 01.03.2017).
15. **Крысин Л. П.** Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 384-408.
16. **Кушанашвили О.** Слезы Руслана на калифорнийском ринге // Комсомольская правда. 2013. 18 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения: 24.02.2017).
17. **Мальцев И.** Карточный домик // Известия. 2013. 7 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru> (дата обращения: 24.02.2017).
18. **Мешков А.** Каждый умный точно знает: секса много не бывает // Комсомольская правда. 2014. 31 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения: 24.02.2017).
19. **Одинцова М. П.** Образ человека униженного в русской лингвокультуре (на материале «Колымских рассказов» Варлама Шаламова) // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 157-159.
20. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
21. **Орлова З. Н.** Культура и антикультура в процессе социализации личности: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2004. 20 с.
22. **Пантелеева Т. В.** Противостояние культуры и антикультуры в художественном творчестве: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2001. 21 с.
23. **Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
24. **Сиротинина О. Б.** Современная коммуникативная практика и судьба русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 293-307.
25. **Словарь воровского жаргона** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/словарь-воровского-жаргона/> (дата обращения: 28.02.2017).

26. **Танькова Я.** Москвичей принимают в партию через постель // Комсомольская правда. 2012. 15 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения: 24.02.2017).
27. **Третьякова М.** «Обиженный кретин»: западные Сети о последнем шаге Обама // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridus.ru/news> (дата обращения: 24.02.2017).
28. **Троицкий Н.** Матерное падение нравов [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/authors/20110411/363211931.html> (дата обращения: 28.02.2017).
29. **Тыркин С.** УстаКАННились // Комсомольская правда. 2006. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения: 24.02.2017).
30. **Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка» от 05.05.2014 N 101-ФЗ (последняя редакция)** [Электронный ресурс]. URL: p://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162558/ (дата обращения: 01.03.2017).
31. **Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 N 53-ФЗ (последняя редакция)** [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 01.03.2017).
32. **Фрадлина Е. М.** Терроризм как антикультура (философско-мировоззренческие подходы к анализу) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2007. № 1 (4). С. 145-151.
33. **Цена вопроса** // Cosmopolitan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cosmo.ru/psychology/psychology/cena-voprosa/> (дата обращения: 24.02.2017).
34. **Чернышёв С.** Facebook промазал. Кто попал? // Известия. 2012. 5 сентября [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru> (дата обращения: 24.02.2017).
35. **Шувалова А.** Лики нашего общества: моральный урод – кто он? // FB.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/121222/like-nashego-obschestva-moralnyiy-urod-kto-on.> (дата обращения: 02.03.2017).
36. **Шульга Н.** Дмитрий Нагиев: Имей совесть и делай все что хочешь // Комсомольская правда. 2013. 30 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru> (дата обращения: 01.03.2017).